

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФЕСТИВАЛЬ

Удивил так удивил

Музыка перестала быть «только музыкой» на XI Дягилевском фестивале

Юлия Баталина

Завершился Дягилевский фестиваль — главное событие концертно-театрального сезона в Перми. Конечно, здесь было много отличной музыки, самой разнообразной: от XIII века (средневековые итальянские лауды в исполнении ансамбля Micrologus) до написанной буквально вчера (премьера сюиты «Чужая» Алексея Сюмака в исполнении Московского ансамбля современной музыки и сопрано Ольги Власовой); от могучей оркестровой (Первая симфония Малера в исполнении Фестивального оркестра) до лирической вокальной (Liederabend меццо-сопрано Полы Муррихи, завершившейся до глубины души пробирающейся ирландской песней a cappella); от азербайджанской (ансамбль Алима Гасымова) до индийской (пандит Хари-прасад Чаурасия); от тончайшей хоровой (хор MusicAeterna) до стильной ансамблевой (квартет имени Давида Ойстраха) и ещё много самой разной — всего 40 часов живой музыки.

Но дело не только в том, что музыка всегда отличная. Не только ради этого собираются в Пермь фанаты со всего мира, а ради того, чтобы 10 (а в этом году 11) дней прожить в иной реальности, в иной жизни. Дягилевский фестиваль — это не сборник концертов и спектаклей, а единое нечто, что, наверное, ещё не имеет точного жанрового определения. Художественный руководитель фестиваля Теодор Курентзис не устает повторять, что музыка должна быть не просто красивым звуком: она должна стать чем-то большим. Именно этим неустанно занимается команда фестиваля, следуя избранному им девизу — приписываемому Сергею Дягилеву фразе «Удиви меня!».

В Пермском театре оперы и балета помнят исконное значение слова «фестиваль» — «праздник». Все события здесь полны маленьких подарков и сюрпризов: бокал шампанского и пирожное, сувенир-

ный веер, а в вечер открытия ещё и толстенный информационный буклет — бесплатно! Атмосфера духоподъёмная и головокружительная, даже пахнет как-то особенно... Ну, конечно, в воздухе распустили «Лето» — новый парфюм, созданный швейцарским парфюмером Венсаном Микотти в содружестве с Теодором Курентзисом, который является автором идеологии этого аромата.

А может, головы кружатся оттого, что зрители вообще не спят? Теодор Курентзис окончательно перевёл фестиваль на круглосуточный режим, и рискованное предложение встретить под музыку рассвет над Камой никого не отпугнуло — наоборот: ранние утренние (а может, поздние ночные) концерты под куполом Пермской художественной галереи, в компании деревянных богов вызвали зрительский ажиотаж, билеты смеялись подчистую, попасть стремились правдами и неправдами... И оно того стоило. Музыка начиналась почти в полной тем-

ноте, но постепенно рассвет рассыпался световыми эффектами, всегда разными: то на куполе наслаждались один на другой бледные блики от окон, то сквозь восточное окно под куполом начинал бить пронзительно красный луч.

Концерты были обставлены как священное действие: свечи, таинственные пустые залы... После концерта духовной музыки в исполнении хора MusicAeterna настоятельно просили не аплодировать, дабы не разрушать настроение. А после окончания действия зрителей ждало множество бонусов, не менее соблазнительных, чем сам концерт: утренняя свежесть, запах тополиных почек, птичье многоголосие, первые лучи солнца над Камой и чашка кофе в подарок от кофейни Cup by Cup.

Характерной чертой всех событий фестиваля была их неторопливость: начало концертов задерживали, перерывы были длинные... К чему спешить? Негласным девизом всех событий стало «расслабьтесь и получите удовольствие», и для расслабления делалось всё возможное. Уже традицией стало возлежание на подушках в зале Дома Дягилева наочных гала-концертах, но нынче и на концерте этнической музыки, где публику сначала завёл Алим Гасымов со своим ансамблем, а затем погрузили в медитацию индийские раги в исполнении Харипрасада Чаурасии, из партера Пермского театра оперы и балета вынесли кресла, а вместо них расстелили ковры и разбросали подушки. Зрители могли сидеть, лежать или танцевать босиком — кому что нравилось.

У каждого посетителя фестиваля — своё главное воспоминание о нём, но многие соглашались, что самое необычное и самое эмоциональное — это спектакль-променад Remote Perm. «Променад» — это слишком формальное определение жанра события: там и большой флешмоб, и сеанс коллективной психотерапии... Remote — это пример искусства, которое делает человека лучше.

фото АНТОН ЗАВЯЛОВ

ше. Через два часа после начала прогулки вы любите всех людей, а особенно тех, кто разделил с вами этот опыт. О чём этот спектакль? О том, что самое удивительное качество людей — способность к взаимовыручке. «Стая тебя поддержит», вспыхивает участникам хэппенинга голос «искусственного интеллекта» из научников, и вот уже ты начинаешь вести себя... мягко говоря, необычно: махать руками прохожим, аплодировать им же, танцевать под неслышную для окружающих музыку, разглядывать предметы сквозь «бинокль» из собственных ладоней или маршировать, распевая «И вновь продолжается бой»... Вы вряд ли проделали бы всё это в одиночку, но в «стое» — легко!

Чем ещё удивил Дягилевский фестиваль?

Максимальным сокращением дистанции между музыкой и слушателем, театром и зрителем. Вместе с начинаящими композиторами, участниками Академии молодых композиторов в Чайковском слушатели Лаборатории современного зрителя создали две одноактные оперы по сюжетам Рэя Брэдбери; зрители могли побывать на репетициях Фестивального оркестра и на мастер-классе Теодора Курентзиса, где проникли в секрет магии появления «больше, чем красивого звука»: дирижёр подробно и откровенно рассказывал о своём понимании музыки. И для многих именно это стало сильнейшим фестивальным впечатлением.

Но «официальными» главными событиями стали, конечно же, премьеры.

Вообще-то премьеры были каждый день, но некоторые из них — сложные, потребовавшие большой и напряжённой подготовки — возвышались в ландшафте фестивальной программы, как баобабы в саванне. Здесь, как и на многих других событиях фестиваля, возникали трудности с жанровыми определениями: «Распад атома» — это вроде как балет, но с текстом и участием драматической актрисы, а «Свадьба» — однозначно опера, но с активной пластической линией, «перехватывающей» зрительское внимание у пения.

«Распад атома» — пластический проект Лилии Бурдинской, что называется, «навороченный»: пищество световых эффектов от Игоря Фомина, загадочные костюмы Марии Мануиловой, впечатляющая телесность танцовщиков. Сцена (перформанс проходил в Театре-Театре) — большая, а действующих лиц — пятеро, но это не камерный спектакль: просто все находятся отдельно друг от друга, в этаком атомарном состоянии, лишь иногда сливаюсь в сочетания, которые вскоре распадаются на элементарные частицы в полном согласии с законами химии и физики. Это, скорее, слияние атомов, а не распад; заглавие досталось спектаклю от книги Георгия Иванова, от которой Бурдинская оттолкнулась, да так далеко, что спектакль перестал иметь с ней что-либо общее кроме заголовка.

«Распад атома» идёт под собственный текст хореографа-постановщика, манерный и псевдоглубокомысленный. Без этих рассуждений о голубях, пре-

Балет «Жар-птица» и весь балетный вечер Стравинского завершился эффектной сценой в духе красочных спектаклей Михаила Фокина